
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ВОЙНЫ В РУССКИХ ЧАСТУШКАХ 1941—1945 ГГ.

И.И. Рубакова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

В статье на материале русских частушек 1941—1945 гг. исследуются особенности лингвокультурного образа войны.

Ключевые слова: частушка, лингвокультурная ситуация, лингвокультурный образ.

В рамках современной антропоцентрической парадигмы рассмотрения языковых явлений наибольшую актуальность приобретают проблемы отражения языковыми единицами экстралингвистической информации. В нашей статье средства передачи культурной информации лексическими единицами художественного текста будут рассмотрены на материале русских частушек периода Великой Отечественной войны.

Актуальность исследования лингвокультурных образов на материале частушек объясняется прежде всего тем, что, несмотря на богатые возможности жанра частушки передавать культурную информацию, этот жанр еще не выступал объектом научных исследований именно в данном аспекте. Великая Отечественная война, безусловно, значимое событие для русской лингвокультуры 1941—1945 гг., поэтому образ войны является центральным лингвокультурным образом в произведениях этого периода.

Исследователи лингвокультурных ситуаций (ЛКС) отмечают, что каждый временной период отличается различным наполнением понятий, общих для всей лингвокультуры — лингвокультурных универсалий. В рамках нашей статьи интерес представляют лингвокультурные универсалии «свой-чужой», поскольку лингвокультурный образ войны как раз и создается противопоставлением своего и чужого, война — это противостояние компонентов указанной оппозиции: «чужой» — это враг, против которого выступают «свои» — Красная армия, партизаны. В отличие от последующего периода компоненты лингвокультурных универсалий «свой-чужой» не являются идеологически маркированными, не отражают расслоение советского общества, которое в ЛКС 1941—1945 гг. предстает единым, противостоящим врагам. Именно в таком наполнении компонентов лингвокультурных универсалий «свой-чужой» состоит специфика описываемой ЛКС, потому что, например, в ЛКС 1950-х гг. «под своим понимается советское, оно же является новым и будущим. Все чужое — несветское — рассматривается как старое и относится к прошлому, что указывает на связь концептов чужой, старый и прошлый» [2. С. 7].

Оппозиция лингвокультурных универсалий «свой-чужой» проявляется в структурировании культурно-тематических полей в составе лингвокультурного

образа войны. Под культурно-тематическим полем в данной статье понимается объединение единиц текста, в котором «объединяющим признаком становится признак культурный» [5. С. 167].

Лингвокультурная ценность частушки обусловлена прежде всего прагматикой данного жанра, поскольку «целевое назначение русской народной частушки как синтетического музыкально-словесного жанра — выразить и донести до слушателя одномоментное переживание лирического героя, его отношение к партнеру или к какому-то событию, явлению» [3. С. 6]. Именно с указанной особенностью связано то, что в качестве основных средств передачи культурной информации выступают эмоционально-экспрессивные слова, причем в силу жанровых характеристик частушки оценка в таких словах, как правило, выражена прямо, а выражаемая оценка обычно указывает на высокую степень проявления признака — положительного или отрицательного, например:

Распроклятая Германия // Затягла войну...; Туда ушли наши ребята, // Самые любимые.

Эмоционально-экспрессивные слова, участвующие в создании лингвокультурного образа войны, формируют в текстах частушек 1941—1945 гг. два поля оценки — положительное и отрицательное. Эти два поля напрямую связаны с универсальной лингвокультурной оппозицией «свой-чужой»: все, что определяется как свое, окрашено однозначно положительно; все чужое приобретает отрицательную окраску:

Лез к Москве фашист-мошенник; А куда деваться будут // Холуи немецкие; Распроклятые фашисты // Погорели бы в огне; Мой миленок, парень бравый; Наши славные герои // Едут эшелонами; Твово милого, хорошего // Поранили в лесу; Медицинская сестрица, // Будь родною мне сестрой; Красной Армии герои // Родину прославили.

Таким образом, подтверждается положение О.А. Мануйловой о том, что «речевая структура частушечного жанра представляет собой либо одно целостное экспрессивно-семантическое поле, либо два экспрессивно-семантических микрополя, органически связанных и взаимодействующих [3. С. 7]. Эмоционально-экспрессивные слова входят в составе лингвокультурного образа войны в культурно-тематическое поле «оценка».

Эмоционально-экспрессивные слова неоднородны по своей структуре, среди них можно выделить:

— однозначные слова с ясно выраженным оценочным значением: «Взяли милого, хорошего...»; «Ах, подруга дорогая, // Где наши залеточки?»; Виню я Гитлера поганого // Проклятую войну»; «Зря, дурак, позарился»; «По тебе ходить не будет // Гадина немецкая»;

— слова с аффиксами субъективной оценки: «Отчего же не приходится // С залеточкой гулять?»; «Я с миленочком рассталась»; «распроклятая Германия»; «Не виню я ягодиночку»; «За Ванюшу-партизана // Завтра замуж выхожу».

Среди таких слов следует особо выделить безэквивалентные лексические единицы с суффиксами субъективной оценки, в которых передается двуплановая

культурная информация, с одной стороны, о национальной специфике лингвокультурной ситуации, с другой — об оценке данного явления, объекта окружающей действительности носителем языка: «На них серые шинели // Зеленые пилоточки».

Особой национальной спецификой обладают сугубо «частушечные» наименования любимого человека. Данный жанр разработал систему имен существительных общего рода по отношению к возлюбленным: «дроля», «залетка», «приятка»:

Твово дролечку забрали, // Повезли на Ленинград; Мой залеточка уехал; Ягодичка на фронте.

Культурная информация, передаваемая данными единицами, связана, в том числе с их преимущественно диалектной окраской [1. С. 171]. Среди слов — носителей культурной информации в частушках 1941—1945 гг. только эта группа связана с отражением одной лингвокультурной универсалии «свой», не касается универсалии «чужой». Данные единицы входят в культурно-тематическое поле «любовь».

Культурно-тематическому полю «любовь» противопоставлено культурно-тематическое поле «одиночество», куда входят слова с общей семантикой одиночества:

Взяли милого, хорошего // Оставили одну; Я с миленочком рассталась, // Сиротой кругом осталась; Ой, подруга дорогая, // Обе мы сироточки.

Как и в других жанрах, в жанре частушки значимыми средствами передачи культурной информации является безэквивалентная лексика, например: «Сидит Гитлер на дороге, // В лапти обувается». Слова данной группы четко разделяются на два поля, соотносимые, как и в случае с эмоционально-экспрессивной лексикой, с лингвокультурной оппозицией «свой-чужой»:

Подошла к военкомату, // Мне навстречу лейтенант; В партизанах наши братья, // В партизанах и отцы; И сама я партизанка, // На боку ношу наган; Получите, партизаны, // От нее по ордену; Чтоб советскую машину // Не взорвало миною; С Брянска ехал бронепоезд; Я в разведке побывала; На плечах погоны носит // И наганчик на боку; Там в зеленой гимнастерке // Воюет милый мой; Ох-хо-хо, окопы роют; Только почта полевая, // Голубые марочки; Скоро красные придут — // Мы будем советские; Посреди Германии // Красный флаг поставили; Оставайся, дорогая, // Три года солдаткою; Как советские гвардейцы // Взяли фрицев в оборот; Оккупанты штык советский // Не забудут никогда; Партизаны-коммунисты // Не дают вздохнуть фашистам.

Безэквивалентные слова формируют культурно-тематические поля «участники военных действий», «оружие и техника», «военная форма».

Особую группу слов образуют имена собственные, ассоциируемые с ними определения, а также перифразы, образованные с помощью имен собственных. В частушках появляются названия городов, имена самых знаменитых участников войны, названия стран — участниц войны, прежде всего Германии, России и со-

юзников России — Великобритании и Америки. Имена собственные, соотносящиеся с Германией, связаны с лингвокультурной универсалией «чужой»:

Гитлер смазывает пятки // От орловских партизан; Скоро Гитлер с Муссолини // Будут рядышком сидеть; Немцы в Балтике нырнули // Головой в залив; Ягодиночка в Германии; Виню я Гитлера поганого.

С лингвокультурной универсалией «свой» связаны имена собственные, соотносящиеся с Советским Союзом и его союзниками:

Твово дролечку забрали, // Отвезли на Ленинград; Москву-город взять пытались // Немцы-неприятели — // Рокоссовского герои // Их назад попяттили; Ой, яблочко, // Росло за Вислою. // У врага под Москвой // Дело кислое; Ой, яблочко, // Да из Америки. // Довело ты врага // До истерики; Ой, яблочко, // Да из Британии, // Будет помнить тебя // Вся Германия; Красна Армия дерется; От Москвы и до Берлина // Дороженька узкая; С Украины день и ночь // Гонят сброд фашистский прочь.

Таким образом, имена собственные входят в культурно-тематические поля «страны — участницы боевых действий» и «места боевых действий».

С передачей культурной информации связаны единицы культурно-тематического поля «время». Это прежде всего даты начала и конца войны, причем в отличие от некоторых других жанров, где даты, числа выступают в символическом значении (например, от сказок), в частушках даты вполне конкретные, узнаваемые для всех представителей русской лингвокультуры:

Двадцать третьего июня // Он уехал воевать; Никогда мы не забудем, // Как пришел девятый май.

Таким образом, лингвокультурный образ войны, являющийся ключевым в русских частушках 1941—1945 гг., создается посредством лексических единиц в составе культурно-тематических полей «оценка», «любовь», «одиночество», «участники военных действий», «оружие и военная техника», «страны — участницы войны», «места военных действий». Культурную информацию передают безэквивалентная лексика и имена собственные. С жанровыми особенностями частушки непосредственно связано обилие эмоционально-экспрессивных слов и использование имен существительных общего рода, обозначающих любимого человека.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гурская С.Л.* Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. — 2009. — № 1 (58). — С. 171—175. [*Gurskaya S.L.* Imena sushhestvitelnye obshhego roda, nazyvayushhie lyubimogo cheloveka v yaroslavskix govorax // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal. — 2009. — № 1 (58). — S. 171—175.]
- [2] *Кранышева Л.А.* Лингвокультурная ситуация 1950-х годов (на материале рассказов советских русских писателей): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Елец, 2008. [*Kranysheva L.A.* Lingvokulturnaya situaciya 1950-x godov (na materiale rasskazov sovetskich russkix pisatelej): Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — Elec, 2008.]

- [3] *Мануйлова О.А.* Экспрессивно-семантическая структура русской народной частушки как жанра художественной речи и лексические средства ее формирования: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Армавир, 2005. [*Manujlova O.A.* Ekspressivno-semanticheskaya struktura russkoj narodnoj chastushki kak zhanra xudozhestvennoj rechi i leksicheskie sredstva ee formirovaniya: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — Armavir, 2005.]
- [4] Русский советский фольклор. Антология / Сост. и примеч. Л.В. Домановского и др. — Л., 1967. [*Russkij sovetskij folklor. Antologiya / Sost. i primech. L.V. Domanovskogo i dr.* — L., 1967.]
- [5] *Шаклеин В.М.* Лингвокультурная ситуация и исследование текста. — М.: Общество любителей российской словесности, 1997. [*Shaklein V.M.* Lingvokulturnaya situaciya i issledovanie teksta. — M.: Obshhestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti, 1997.]

LINGUISTIC AND CULTURAL IMAGE OF WAR IN RUSSIAN CHASTUSHKAS OF 1941—1945

I.I. Rubakova

The Chair of the Russian Language and Methods of Its Teaching
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10, Moscow, Russia, 117198

The article studies the peculiarities of a linguistic and cultural image of war in Russian chastushkas.

Key words: chastushka, linguistic and cultural situation, linguistic and cultural image.